

ARTES LIBERALES

ЛЮБЛЮ БУЛЬОНЧИК ИЗ ЦЫПЛЕНОЧКА

Театр Курьер — 2005. — февр. (март) — с. 3

Вот возьмите «Место встречи изменить нельзя» — всенародно любимая картина. Но на Первом всесоюзном фестивале телевизионных фильмов в 1982 году, где участвовала 21 картина, и, кажется, было выделено 23 премии. Первая, две вторых, две третьих, премия Союза журналистов, дипломы какие-то... Так единственный фильм, который не получил ни премии, ни приза, ни диплома, — это «Место встречи...».

— Абсурдная ситуация.

— И абсурдная, и горькая. Потому что у входа в храм искусства стоят джинсовые мальчишки, прокуренные девочки и решают, кого пускать, а кого нет. Я-то уже и без их помощи стал классиком. А тех, кто пойдет по моему пути, ожидает беда. Но сейчас можно хоть деньги заработать на кино. И у многих появляется искушение снять фильм на потребу, типа этого «Ночного позора».

— Современный театр вы оцениваете столь же сурово?

— Я не могу это видеть. Это же эпигонство. Вот есть Тарковский в кино. И есть тарковщина. Также есть Мейерхольд. И есть страна Мейерхольдия, как назвал ее Блок. В его

— В нем речь идет об изобретателе, столкнувшемся с системой, которая его раздавила, но не уничтожила. И если бы сейчас, в наше время, сложилась такая же ситуация, его, скорее всего, не посадили бы в лагерь, не расстреляли бы, но он не добился бы никакого результата, это абсолютно невозможно. И не только в науке. Обратите внимание, в политике ведь нет ни одного нового имени. В этой огромной стране столько талантливых людей, которые бы могли руководить государством. Умных, образованных, честных, любящих Родину. Но ни один из них никогда не пробьется в верха, откуда можно нырнуть в президенты. Потому что на самом низком уровне, уже на региональных и местных выборах все решают деньги и административные ресурсы.

— Думаете, сегодня не востребованы таланты?

— Ну, во-первых, попробуй определить, где талант, а где нет. Ведь для того, чтобы найти будущего Ломоносова, надо чтобы он пришел и начал учиться в Московском университете, к примеру. Ни Столыпин, ни Ломоносов — никто сейчас появиться не может. Ну придет в Москву в лаптях парень из деревни, и что? В этих же лаптях и уедет обратно. Так что в этом смысле фильм очень даже современен. Но это фильм и о любви, о женщине, которая предана главному герою и его делу, готова бросить мужа, директора завода, все бросить и пойти за ним до конца, даже в тюрьму. А это, как вы понимаете, всегда актуально.

— Очень много было разговоров о том, что вы собираетесь снимать продолжение картины «Место встречи изменить нельзя». Это соответствует действительности?

— Нет. И мыслей таких не было. Это Аркадий Вайнер морочил журналистам головы. Все равно никто не проверяет. Поэтому он и говорил, что есть сценарий, деньги. Ничего нет: ни сценария, ни денег, ни желания этим заниматься.

— Вы не могли бы осветить еще одну подробность. Почему вы сняли свою кандидатуру с выборов нового председателя Союза кинематографистов?

— Я пришел на съезд. Тех, кто снимает кино, в зале нет. Молодежи нет никакой. Мастеров — 5-6 человек. И я понял, что это бессмысленно. Потому что съезд готовили наперсточники. Привезли людей из провинции, которые не знают ситуацию в Союзе, москвичей не любят. Я предложил кандидатуру Лены Цыплаковой и за нее проголосовало 30 процентов из оставшихся, а за Никиту Михалкова только 60. А надо 75. Ну и в итоге там осталось 180 человек приглашенных, которым он сказал: «Ну, кто за то, чтобы я остался председателем?» И вот эти 180 человек из тысячи проголосовали за него. Это узурпированная власть и погибший Союз. Он держится только вокруг Дома Кино. Когда Дом кино сломают, ничего не останется, никто и не вспомнит что был Союз кинематографистов.

«ВОЛЧИЙ БИЛЕТ» И САМОЕ БОЛЬШОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ В ЖИЗНИ

— Вы называли своей родиной Камско-Волжско-Донской бассейн. Это какой-то слишком богатый район? Как это понимать?

— А очень просто. Я родился на Каме. Детство, и юность мои прошли на Волге. А отец мой — донской казак. Но я, правда, отца никогда не видел — его уничтожили до моего рождения. Первый раз его арестовали еще мальчишкой в 28-м году и дали три года концентрационных лагерей. Прощу заметить: концентрационных! Концлагерь — это ведь не Гитлеровское, а Ленинское изобретение. Это был приговор особой коллегии НКВД. Я читал документы. Был указ Свердлова об уничтожении казачества. И если уже была одна судимость, да еще по политическим мотивам, то все... У нас в доме не было ни одной фотографии отца, ничего. Мать боялась.

— Мужское воспитание вы добивали на улицах?

Да. Но как Горький могу сказать: лучшим в себе я обязан книгам. Я пожирал все, что можно было достать: «Три мушкетера», Джек Лондон, «Робинзон Крузо»...

— Я слышала, что в геологический институт вы пошли из-за красивой формы студентов.

— Это правда. В те времена бедно все одевались. Я-то еще ничего, мать моя была портной — перешивала из каких-то старых дядюшкиных кителей. А студенты геолого-разведывательных факультетов горных институтов носили форму. Черный шевитовый двубортный костюм, белую рубашку, черный галстук. И черные квадратные бархатные погоны с золотым вензелем университета. Я пошел на геофак, в ателье стали шить мне форму и вдруг ее неожиданно отменили. Я страшно расстроился. Это было мое самое большое разочарование в жизни.

— Но институт все-таки закончили.

— Закончил, но понимал, что работать не буду. Учиться было интересно. Я имею в виду

не учебники, а практику, экспедиции, спорт, самодеятельность, газету и т.д. И когда меня направили на работу, я убежал оттуда. С «вольным» билетом. С записью в трудовой книжке: «уволен за отказ от работы».

— И куда же с таким клеймом?

— Я поехал в Казань, там ребята университетские организовывали телевидение и позвали меня к себе. Ну и я стал чуть ли не самым главным на этом телевидении. Пока не выяснилось, что должность моя являлась номенклатурной, ее нужно было утверждать в обкоме. А когда там увидели мою трудовую книжку, то хотели сначала вообще выгнать, а потом оставили простым редактором, а позже понизили до должности ассистента, хотя я продолжал вести ту же деятельность — и швец, и жнец, и на нуде игрец. Тогда я понял, что следующее назначение будет дворник. Поэтому поехал в Москву и поступил во ВГИК. Раньше ведь это можно было сделать. Не то что сейчас, попробуй поступи!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛИНАРИИ И ТРИЦЕПСАХ

— Вы как-то обмолвились, что жену себе воспитали.

— Скорее, она меня воспитала. Я ее воспитал только в кулинарном смысле. Я люблю все, что хорошо приготовлено. И ненавижу все эти понтовые рестораны. В дорогом ресторане скорее всего плохая кухня. А если он с понтами — то и надежд никаких. Например, уха должна быть ухой, а не жидкостью, в которую положили несколько кубиков мороженой осетрины. Вот был я в Орске. Маленький городок на границе с Казахстаном. Гостиницу построили, в которой номера называются «камеры», по-итальянски. А в ресторане все французское, в меню нет ни одного русского блюда, есть ничего не возможно, а цены больше, чем в Москве. Мало того, я оттуда приезжаю в Челябинск. И попадаю в точно такую же гостиницу. Иду в ресторан с такими же понтами, читаю меню и думаю: «О, попал!» И я зову повара и говорю: «Слушай, можешь сделать мне бульончик из цыпленочка?» «Да, конечно». «Ну, сделай, пожалуйста». И вот приносит. Я настроился на прозрачный золотистый суп. Приносят жидкость черного цвета. Спрашиваю: «А почему она у вас черная?» «А мы туда положили соевый соус». «Зачем?» И, конечно, это есть было совершенно невозможно. Это отступление, касающееся кулинарии — моя любимая тема, я могу об этом долго говорить. Так вот жена моя готовит феноменально. Ведь важно, что есть едок, который умеет это оценить. Или поругать.

— Раньше она работала в вашей съемочной группе. А сейчас?

— У нас всегда много гостей и надо было вести дом. Вот она всю эту работу взяла на себя. У меня никогда не было дачи. Не мог заработать на дачу. И, наконец, мы собрались с усилиями и сделали дом. Так это все она строила. Если я меняю квартиру, то она делает ремонт. Я прихожу и только спрашиваю: «Турник есть?» «Есть». Значит, все в порядке.

— Почему именно турник вам так важен?

— Чтобы разок подтянуться на нем. Зарядку лень делать. А так не требуется много времени. Я никогда не был в тренажерном зале и презираю тех, кто там занимается. Это не мужское дело — сидеть и бицепсы качать, потом трицепс, потом икорную мышцу... Чувствую.

— Почему не мужское дело?!

— Мужское занятие — это пойти в футбол поиграть или в баскетбол, волейбол. Или на бильярде. Когда ты ходишь вокруг стола, то потом домой еле приплетаешься. Опять-таки там участвуют все мышцы. И вообще спорт — это игра. А лыжи? Вот уж игра! Можно ни с кем не соревноваться. Но для самого себя это приключение. И риск. Поэтому я не понимаю этих качаний мышц. Ведь для чего это делается? Чтобы защитить даму? Человек, владеющий уличной дракой, легко любого культуриста приберет. Секрет молодости — это гибкость. Вот куда исчезли прежние спортзалы? Где брусья, турник, кольца, конь, щит баскетбольный? Ничего этого нет. Стоят тренажеры и молодые Ван Даммы и Шварценегеры качаются на них. Это абсолютная дурость. И я не понимаю женщин, которые могут интересоваться такими мужчинами.

— Да бог с ними, с трицепсами. Давайте вернемся к искусству. Помимо кино и театра вы занимаетесь живописью.

— Живописью я стал увлекаться 10 лет назад. Мне это понравилось. И все свободное время я тратил на это занятие. Мои последние две выставки даже прошли в Академии художеств. Сейчас вроде уже хорошо пишу, но нет особого желания и времени.

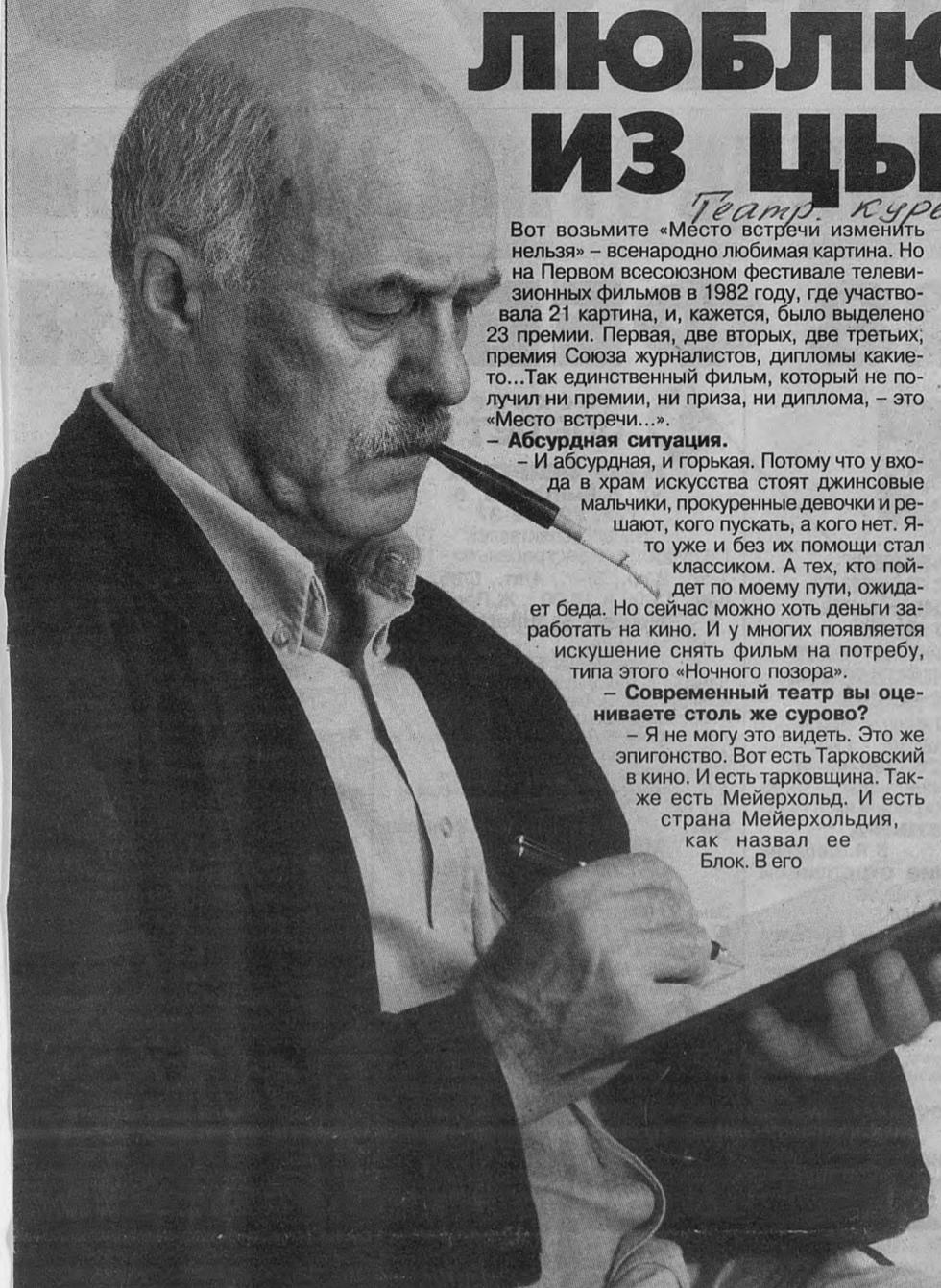
— Вы разноплановая натура или экспериментатор?

— Хочется все попробовать. Самое интересное в жизни — это открывать самого себя. Познавать самого себя. Многие ведь так и умирают, не зная, на что способны и к чему предназначены.

— А вы думаете, что до сих пор себя не раскрыли?

— Надеюсь.

Наталья КАШИНА

Станислав Говорухин из числа тех немногих кинематографистов, которых зритель знает и любит не только за режиссерские или актерские работы, но и за ярко выраженное мужское начало и активную гражданскую позицию, отчетливо читаемые в его творчестве. Личностная харизма Станислава Сергеевича сильна настолько, что неизбежно вызывает симпатии или антипатии в любом человеке. И неважно, какая сфера деятельности Говорухина при этом обсуждается — кино, живопись, литература или парламентская работа, которой он отдал 10 лет жизни — о равнодушии здесь не может быть и речи. В последнее время имя режиссера все чаще стало появляться еще и на театральной афише.

В МЕЙЕРХОЛЬДИИ Я ТУХНУ И ВЯНУ

— Недавно в театре «Школа современной пьесы» состоялась премьера вашего спектакля «Па-де-де». От кого исходила инициатива постановки и выбора материала?

— Это была инициатива Иосифа Райхельгауза. Он дал мне на выбор несколько пьес. Но сегодняшний театр, где главное удивить, а не рассказать, развлечь, разбудить благородные чувства — это не мое. А все пьесы, которые я читал, были как раз такие — удивить! И вдруг я наткнулся на чистую и простую вещь Татьяны Москвиной.

— Райхельгауз утверждает, что эта постановка — ваш режиссерский дебют в театре.

— Это ему так кажется. Для Райхельгауза, и для всех, наверное, главнейшей очень важно, что напишут критики.

— А для вас это не важно?

— Для меня это давно перестало иметь какое-то значение. Я поставил, например, во МХАТе им. Горького спектакль по Юрию Полякову «Контрольный выстрел», и в каждой статье писали: это не театр, это не искусство и т.д. Для меня важно другое: «Контрольный выстрел» идет уже четвертый сезон. И идет с аншлагом. Вот последний раз, когда я там был, то видел, что зал на полторы тысячи мест был заполнен до отказа. Вот что для меня является критерием. Я абсолютно уверен, что с «Па-де-де» будет та же история. Это видно по реакции публики. Легкий, простой, веселый спектакль. Хотя в одной рецензии было написано: «Тяжеловесный и т.д.» Но, кстати, и о фильмах своих я никогда не читал ни одной хорошей статьи. Никогда в жизни, ни единого раза.

— Не может этого быть!

— Тем не менее, это так. Я снял очень много шлягеров, суперкассовых картин, чемпионов проката, но всегда на них была ужасающая пресса. И на «Вертикаль», мой дипломный фильм, и на «Пиратов XX века», снятых по моему сценарию, и на «Десять негрятят». А «Ворошиловский стрелок»? Как его ругали!

записных книжках я прочитал: «Все-таки мне по душе реалистический театр. Театр Станиславского. А в Мейерхольдии я тухну и вяну». Есть оригинальные художники, и есть эпигоны, механически повторяющие чужие идеи, приемы. Так вот в Мейерхольдии, при всем моем огромном уважении к самому Всеволоду Эмильевичу, я тоже тухну и вяну. Мне там до невозможности скучно. Поэтому спектакль «Па-де-де» я делал для себя. Мне было весело, интересно, значит и моей публике будет весело и интересно.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

— У кино- и театральной режиссуры разная специфика. Как вы себя ощущаете в качестве театрального режиссера?

— У каждого театра своя публика, и это необходимо учитывать. Я должен знать свою аудиторию. Кстати, я очень люблю зрителей в МХАТе имени Горького. Это люди, которых подкосили реформы: учителя, работники социальной сферы, офицеры, пенсионеры, ветераны войны. А во МХАТе имени Чехова — другие люди. Там и цены другие, отличающиеся на порядок. И если бы я ставил спектакль у Табакова, то другую пьесу бы взял. А в «Школе современной пьесы» я ориентировался на средний класс. Но самое важное, чтобы на спектакль давили.

— Вы такое испытывали?

— Бывало. Когда по всей стране ночами стояли очереди на мой фильм «Так жить нельзя». Костры жгли. Но это документальный фильм и понятно, что он живет недолго. Но есть картины, которые будут жить долго потому, что они сняты для детей. «Робинзон Крузо», «Дети капитана Гранта». «Приключения Тома Сойера».

— А сейчас почему вы для детей не снимаете кино?

— Ну сколько можно? Я 10 лет этим занимался. Хватит. Надо попробовать что-то другое. Мы все время забываем об одном обстоятельстве. 80 процентов населения у нас или бедное, или нищее. Что ему требуется, уже никого не интересует: ни критиков, ни государство. А я об этом помню. И считаю своим гражданским долгом работать для этой публики.

— Тогда о чем будет ваш новый фильм, к съемкам которого вы уже приступили?

— Это экранизация романа Дудинцева «Не хлебом единым». Он был напечатан в журнале «Новый мир» в 1956 году, после 20 съезда партии, и стал первым литературным скандалом в постсталинской России. Роман читали взалб. В библиотеках на него стояли очереди. А потом состоялся Пленум, на котором роман подвергся жестокой партийной критике. Его стали изымать из библиотек, а писателя отлучили от литературы и лишили всяких средств к существованию, хотя роман издавался во всех странах мира.

— Вы считаете, что это произведение актуально и сегодня?